

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
Научное издание

*Печатается по решению Оргкомитета конференции
в соответствии с условиями созыва
XIII Международной военно-исторической конференции
«Военная история России XIX–XX вв.»*

Военная история России XIX–XX веков. Материалы XIII Международной военно-исторической конференции / Под ред. Д. Ю. Алексеева, А. В. Арановича. Санкт-Петербург, 4 декабря 2020 г.: Сб. научных статей. — СПб.: СПбГУПТД, 2020. — 758 с.

ISBN 978-5-7937-1980-3

Конференция «Военная история России XIX–XX вв.» посвящена различным аспектам военной отечественной истории двух прошедших веков: социально-политических, экономических, культурных. Участники конференции из России, Ближнего и дальнего зарубежья рассматривают в своих докладах как чисто военные вопросы, так и частные проблемы, в том числе связанные с историей военной повседневности. Особое внимание уделено важным для отечественной военной истории событиям, годовщины которых приходится на 2020 год: окончанию Гражданской войны в европейской части России и Советско-польской войне.

На обложке:

Орден «Красное Знамя» РСФСР. Учрежден 16 сентября 1918 г. декретом «О знаках отличия» ВЦИК Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов. Эскиз ордена выполнен художником Даниловым. В 1924 г. в связи с учреждением единого для СССР ордена награждение орденом «Красное Знамя» РСФСР было прекращено.

Серебро, эмаль. Образец. Московский монетный двор.

Собрание Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи

ISBN 978-5-7937-1980-3

© СПбГУПТД, 2020

© Коллектив авторов, 2020

УДК 94 (47).084.3

ББК 63.3 (2) 612

Андрей Владиславович ГАНИН

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института славяноведения РАН (Москва, Россия)

E-mail: andrey_ganin@mail.ru

ВОСПОМИНАНИЯ «ЮЖНАЯ АРМИЯ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА АДМИРАЛА КОЛЧАКА» ГЕНЕРАЛА С. А. ЩЕПИХИНА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В статье анализируется важный источник по истории Гражданской войны на Восточном фронте — неопубликованные воспоминания генерал-майора С. А. Щепихина.

Ключевые слова: Гражданская война, Восточный фронт, Южная армия, оренбургские казаки, С. А. Щепихин.

История военного строительства антибольшевистских формирований на левом фланге Восточного фронта летом — осенью 1919 г. документирована слабо. От Южной армии белых ввиду кратковременности ее существования и последовавшего стремительного отступления, документов практически не сохранилось. В этой связи исключительное значение приобретают документы личного происхождения — воспоминания, дневники, письма, проливающие свет на историю этой армии. Некоторые из документов такого рода, в частности, воспоминания начальника штаба Оренбургской казачьей пластунской дивизии полковника А. Ю. Лейбурга, уже введены в научный оборот¹, однако немало свидетельств остаются неопубликованными.

Одним из важных источников такого плана являются неопубликованные воспоминания генерал-майора Сергея Арефьевича Щепихина, занимавшего ответственный пост начальника снабжений Южной армии. Эти мемуары представляют собой свидетельство наиболее высокопоставленного представителя Южной армии, так как ни командующий армией, ни ее начальник штаба, насколько известно, воспоминаний не оставили.

С. А. Щепихин происходил из семьи уральского обер-офицера — единоверца (единоверцы использовали в богослужении старый обряд,

¹ См., напр.: Новые материалы об атамане А. И. Дугове / публ. А. В. Ганина // «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры. Сб. статей и материалов. Сост. и науч. ред. А. В. Посадский. М., 2015. С. 100–219; Ганин А. В. Южная армия Восточного фронта // История белой Сибири: Тезисы 4-й научной конференции 6–7 февраля 2001 г. Кемерово, 2001. С. 94–97.

но являлись частью Православной Церкви).. Он родился в поселке Январцевском станицы Кирсановской Уральского уезда Уральской области 1 октября 1880 г. Офицер получил прекрасное образование. Будучи выходцем из уральской глубинки, он окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус (1898), Николаевское кавалерийское училище по 1-му разряду (1900) и Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду (1908).

Щепихин участвовал в Русско-японской войне, в том числе в знаменитых кавалерийских набегах на Инкоу в декабре 1904 — январе 1905 г. и на Фукумынь в мае 1905 г., в сражениях при Сандепу и под Мукденом, в разведках к реке Ляохэ. За боевые отличия он был награжден орденами Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» и Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом, а также чином подъесаула (1905). Это был молодой, способный и деятельный офицер.

Некоторое время он прослужил обер-офицером для поручений при штабах Омского и Киевского военных округов. Участвовал в Первой мировой войне на должности штаб-офицера для поручений при отделе генерал-квартирмейстера штаба 3-й армии Юго-Западного фронта. Командовал 2-м Уральским казачьим полком. Войну завершил полковником.

Прибыв с полком в Уральское казачье войско в феврале 1918 г., Щепихин стал председателем военной комиссии войска, а затем начальником войскового штаба. Летом 1918 г. Щепихин уехал в Самару в качестве представителя Уральского войска при Комитете членов Всероссийского Учредительного собрания (Комуче). 25 июля последовало назначение военным представителем казачьих войск при штабе Чехословацкого корпуса, а 10 августа офицер получил пост начальника полевого штаба Поволжского фронта Народной армии Комуча. Затем Щепихин занимал должности начальника штаба Самарской и Уфимской (с 8 октября 1918 г.) групп войск, а 25 декабря 1918 г. был произведен в генерал-майоры. Производство в генералы совпало с назначением Щепихина начальником штаба Западной армии белых. Этот пост генерал занимал до 20 мая 1919 г., в том числе и в ходе весеннего наступления колчаковских армий.

Уже 16 июня 1919 г. состоялось назначение Щепихина на должность начальника снабжений Южной армии. Именно этот период службы он описал в воспоминаниях «Южная армия Восточного фронта адмирала Колчака». Генерал стал свидетелем драматического отступления армии с Южного Урала в Степной край летом — осенью 1919 г. Вместе с армией он проделал путь до города Атбасар Акмолинской области.

Развал Южной армии, который наблюдал мемуарист, привел его к разочарованию в перспективах дальнейшей борьбы. Впоследствии он написал об этом:

Итак, трагедия, завязавшаяся на берегах моей родной реки Урала, кончилась.

Она очень характерна для всего белого движения в Сибири. Сколько легкомыслия, бравады; сколько напрасных жертв. Какие самолюбия. И как мало истинных чувств и настоящего бодрого, здорового дарования.

Мы видели, как коренная ошибка, состоящая в пренебрежении важным участком общего стратегического фронта, приводит к крушению самые лучшие замыслы.

И гибнут не только люди, но, что еще важнее и значительней, гибнет вера в успех.

Мы видим, как в сложном механизме управления армией один промах цепляется за другой, и к каким это приводит результатам.

Мы видели, как сами руководители подчас склонны несерьезно относиться к своему делу, обманутые туманом ложных стратегических мыслей.

И результат налицо: армия, с таким трудом в муках зародившаяся, гибнет без остатка в кратчайший срок без надежды когда-либо оживить свои дряблые мышцы.

Мы видели, как быстро распадаются непрочные, механически спаянные организмы Гражданской войны.

И мы теперь знаем, к чему приводят коренные ошибки в организации этих организмов — «числом поболее, ценою подешевле».

Как в калейдоскопе перед нами проходит целая серия маленьких наполеонов, с огромным честолюбием с великим само- и себялюбием и с весьма ограниченными дарованиями.

Мы видели, как вместе с мусором, лишь обременявшим организм армии, гибнут и лучшие люди, и лучшие, высшие организмы. Как затягивает всех без остатка общий развал, тина, в которой неталантливый полководец и сам увязает и тянет в трясины то чистое, прочное, твердое и воодушевленное, что одно могло бы еще спасти положение.

Как трагически легкомысленно высшее руководство с отвагой, достойной лучшего применения, оболакивает свой лучший материал чуждым белому движению суррогатом, вверяя судьбу этого конгломерата, уже разъедаемого гангреной с самого начала заражения, бесталанным военачальникам.

Какое, наконец, поразительное пренебрежение человеком с его индивидуальной и общественной психологией.

Сколько здесь формализма и нежизненного подхода к самым живучим вопросам.

Какое пренебрежение врагом, как результат самого острого непонимания существа Гражданской войны².

И подводил неутешительный для белых итог:

² ГАРФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 35об.–36.

Стихийно (читай — случайно) белое движение зародилось, судьбой суждено ему было так же стихийно, от стихийных причин и погибнуть³.

7 октября 1919 г. Щепихин был зачислен в распоряжение генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего армиями Восточного фронта. 27 октября 1919 г., согласно послужному списку, назначен начальником штаба Омской отдельной группы войск командованием генерала С. Н. Войцеховского. Последний, будучи боевым товарищем Щепихина, пригласил его к себе на службу в штаб. 10 ноября Щепихин стал начальником штаба Сибирской группы армий, которая 15 ноября была переименована во 2-ю армию. Во время последовавшего отступления Щепихин принял участие в Сибирском Ледяном походе в Забайкалье. После гибели генерала В. О. Каппеля Войцеховский стал главнокомандующим Восточным фронтом белых. Щепихин 28 января 1920 г. занял пост его начальника штаба.

В Забайкалье Сергей Арефьевич с 27 февраля 1920 г. стал начальником штаба командующего войсками Российской восточной окраины, а 26 апреля уволен со своего поста в отпуск для лечения за границей. Формулировка являлась формальностью — генерал вспоминал, что оставить армию ему пришлось «из-за политических разногласий» с атаманом Г. М. Семеновым⁴. 6 мая 1920 г. Щепихины вместе с генералом С. Н. Войцеховским выехали из Читы в белый Крым. Щепихин прибыл туда уже во время эвакуации белых.

Затем началась эмиграция. Сначала в Турцию, а позднее в Чехословакию. Первое время семья сильно бедствовала. Генералу приходилось зарабатывать на жизнь в качестве служащего и заведующего мастерской, контролера в ресторане⁵. Позднее он смог устроиться бухгалтером в Русский заграничный исторический архив в Праге (РЗИА) (с 1925 г.). Умер С. А. Щепихин 18 марта 1948 г. после тяжелой болезни и похоронен на Ольшанском кладбище в Праге.

Несмотря на материальные затруднения, генерал в эмиграции находил возможность заниматься литературным и научным трудом. Он знакомился с рукописями РЗИА и поступавшей в библиотеку архива литературой, в том числе советской. Все это способствовало успешной работе над воспоминаниями.

Сохранились следующие мемуарные работы Щепихина: «Тридцать два месяца в штабе 3-й русской армии», «Штаб 3-й армии в Великую войну», «С полком в революцию», «Уральское казачье войско в борьбе

³ Там же. Л. 36.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-6082. Оп. 1. Д. 6. Л. 17об.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 81. Л. 508.

с коммунизмом», «Уральское казачье войско в борьбе с большевиками», «Под стягом Учредительного собрания» (единственная мемуарная работа на русском языке, которую Щепихин опубликовал при жизни⁶), «Южная армия Восточного фронта адмирала Колчака (июль — октябрь 1919 года)», «Сибирь при Колчаке», «Семеновщина», «Конец Белого движения в Сибири», «Каппелевцы в Чите в 1920 году или японская интервенция». В переписанном виде сохранились выдержки из дневника Щепихина за январь — апрель 1918 г., а также копия дневника за период конца 1919 — начала 1920 г. Судьба подлинников и остальных дневников, положенных в основу многочисленных мемуарных работ генерала, неизвестна. В связи с материальными трудностями Щепихин продал свои мемуары, в том числе разные их редакции, различным эмигрантским архивам. В результате его рукописи оказались как в РЗИА в Чехословакии, так и в Гуверовском архиве в США.

Оставленное генералом мемуарное наследие уникально. Свои воспоминания он писал на основе дневников и подготовил по-настоящему монументальный, хотя и разрозненный, мемуарный свод о событиях Первой мировой и Гражданской войн. Мемуары Щепихина, несмотря на их субъективность, порой чрезмерный скептицизм и саркастичность автора, являются одним из важнейших и практически не введенных в научный оборот источников по истории Гражданской войны на Востоке России. Они написаны трудночитаемым почерком, что предопределяет значительную сложность работы с ними. Анализ этих свидетельств показал, что, к сожалению, ошибки памяти, путаница в именах, отчествах и фамилиях, встречаются в них достаточно часто. Тем не менее, это не снижает ценности источника.

Южная армия Восточного фронта белых, которой Щепихин посвятил свои воспоминания, была создана 23 мая 1919 г. приказом Верховного правителя и Верховного главнокомандующего № 138/1811/оп. В ее состав были включены все части Оренбургской Отдельной армии, Оренбургского военного округа на театре военных действий и Южной группы Западной армии. Штаб армии был сформирован на основе штаба Южной группы Западной армии. Командующим армией был назначен генерал-майор П. А. Белов (Г. А. Витекопф), начальником штаба — генерал-майор И. В. Тонких.

Создание армии понижало статус оренбургского казачества в антибольшевистском лагере Востока России, так как фактически лишало казаков собственной армии, каковой прежде могла считаться Отдельная Оренбургская армия под командованием атамана А. И. Дутова. Вместе с тем, вопрос более рационального распределения пехоты и казачьей конницы по фронту давно назрел. Кроме того, казачье командование показало свою неэффек-

⁶ Щепихин С. А. Под стягом Учредительного собрания // Гражданская война на Волге в 1918 г. Прага, 1930. Сб. 1. С. 165–213.

тивность и не смогло решить важнейшую для белых на левом фланге Восточного фронта задачу по взятию такого крупного центра, как Оренбург.

Вполне естественно создание армии было негативно воспринято некоторыми оренбургскими казачьими генералами. Определенную опасность таила в себе и реорганизация непосредственно в разгар операций по штурму Оренбурга.

В состав армии вошли I Оренбургский казачий, IV Оренбургский армейский, V Стерлитамакский, XI Яицкий армейский корпуса и другие формирования. Фронт армии простирался от района Стерлитамака до района Оренбурга, отдельный участок фронта был обращен в Туркестан. Армия вела боевые действия на Южном Урале, имея задачу ударом на Оренбург — Бузулук — Самару остановить наступление советских войск против соседней Западной армии. Поставленная боевая задача выполнена не была.

Значительные успехи были достигнуты на фронте Отдельной Оренбургской казачьей пехотной дивизии I Оренбургского казачьего корпуса, выставленной заслоном в Туркестан вдоль Ташкентской железной дороги. К началу августа 1919 г. дивизия, пройдя с боями свыше 400 верст, достигла до станции Аральское море, все попытки штурма которой завершились неудачей. Командование армии вынашивало планы прорыва в Туркестан и даже овладения Ташкентом, для чего формировался Туркестанский корпус, однако реализовать эти планы было невозможно.

В начале августа 1919 г. с выходом частей РККА в Зауралье Южная армия оказалась отрезана от других армий Восточного фронта белых, отступивших в Сибирь. Коммуникации Южной армии в районе Троицка и Челябинска были перерезаны, а сама она лишилась железнодорожной связи с Сибирью. Чтобы избежать окружения или фланговых ударов, войска белых были вынуждены отступать. Единственно возможным направлением отхода Южной армии стало туркестанское. При этом IV Оренбургский армейский корпус отступил, вопреки приказу, не к Актюбинску — на юг, а к Кустанаю — на восток, стремясь сохранить связь с главными силами Восточного фронта белых. Остальные корпуса отходили на Актюбинск и далее к станции Эмба на линии Ташкентской железной дороги.

11 августа 1919 г. советский Восточный фронт для дальнейшего преследования противника был разделен на Восточный и Туркестанский. Последний возглавил М. В. Фрунзе. В состав фронта вошли 1-я, 4-я и 11-я армии.

В результате Актюбинской операции (14 августа — 14 сентября 1919 г.) Южная армия под ударами 1-й армии красных потерпела поражение. Несмотря на растянутость фронта 1-й армии на 620 км, были намечены охватывающие белых синхронные удары на Орск⁷. Этим, на-

⁷ Тимошков С. Разгром Южной армии Колчака (август — сентябрь 1919 г.) // Военно-исторический журнал. 1940. № 3. С. 35–36.

ряду с другими задачами, достигалось разобщение Южной и Уральской Отдельной армий белых. Белыми были оставлены города Орск (30 августа) и Актюбинск (2 сентября). Ввиду перебоев с продовольствием, болезней, падения дисциплины и нежелания воевать (в случае оренбургских казаков и покидать родные места) часть армии, будучи окруженной на линии Ташкентской железной дороги, сдалась в плен. По различным подсчетам, сдались от 30 до 57 тысяч человек⁸.

Однако окружить Южную армию красные не смогли. Остатки этой армии вытеснялись в направлении Туркестана по линии Ташкентской железной дороги. Наиболее стойкие части не стали сдаваться в плен. Меньшая часть армии во главе с генерал-майором И. Г. Акулининым отступила на запад на соединение с Отдельной Уральской армией. Большая часть остатков Южной армии стала отходить от линии железной дороги на восток, к городам Иргиз и Тургай, стремясь в дальнейшем соединиться с главными силами Восточного фронта белых. 13 сентября 1919 г. между станциями Берчогур и Мугуджарская Ташкентской железной дороги состоялась встреча разведчиков 3-й Туркестанской дивизии 1-й армии и войск Северо-Восточного фронта Туркестанской республики. Таким образом, была восстановлена связь Советской России с Туркестаном, что имело огромное стратегическое и хозяйственное значение для советской стороны.

В Оренбурге 20 сентября 1919 г. состоялся митинг в поддержку Советской власти с участием сдавшихся в плен бывших солдат и офицеров Южной армии общей численностью 5000 человек. На митинге выступили председатель ВЦИК М. И. Калинин и М. В. Фрунзе. Последний, обращаясь к публике, заявил: «Я думаю, товарищи, каждый дурак должен понять, что там, в лагере наших врагов, как раз и не может быть национального возрождения России, что как раз с той стороны и не может быть речи о борьбе за благополучие русского народа. Потому что не из-за прекрасных же глаз все эти французы, англичане помогают Деникину и Колчаку — естественно, что они преследуют свои интересы. Этот факт должен быть достаточно ясен, что России там нет, что Россия у нас»⁹. Разумеется, это была лишь демагогия и пропаганда. На следующий день Калинин обращался с речью уже к 40000 солдат и офицеров, перешедших на сторону красных в регионе. Отмечалось, что среди них сдались 400 офицеров¹⁰.

⁸ *Алескеров Ю. Н.* Интервенция и гражданская война в Средней Азии. Ташкент, 1959. С. 138; *Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Док. и мат. Алма-Ата, 1964. Т. 2. Сентябрь 1919 г. — декабрь 1920 г. С. 75; М. В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сб. док. М., 1941. С. 211, 217; Тимошков С. П. Разгром Южной армии Колчака. С. 51.*

⁹ Начало конца. Стенограмма митингов колчаковских солдат и офицеров в Оренбурге. Самара, 1919. С. 11.

¹⁰ Там же. С. 21.

Приказом начальника штаба Верховного главнокомандующего и главнокомандующего Восточным фронтом армий Генерального штаба генерал-лейтенанта М. К. Дитерихса от 18 сентября 1919 г. № 1074 Южная армия переименовывалась в Оренбургскую, в командование остатками армии, отступившими на восток, вступал генерал-лейтенант А. И. Дутов. Таким образом, в какой-то степени восстанавливался прежний статус, а новое войсковое объединение получило казачье командование.

Материалов по истории Южной армии по причине быстрого отступления белых сохранилось крайне мало, поэтому мемуарные свидетельства представляют большой интерес. Одними из наиболее ценных являются воспоминания осведомленного военного администратора генерала Щепихина.

Мемуары Щепихина «Южная армия Восточного фронта адмирала Колчака (июль — октябрь 1919 года)» хранятся в Государственном архиве Российской Федерации, куда поступили из РЗИА. Основу очерка составили дневниковые записи автора. Работа по расшифровке этих мемуаров растянулась на длительный срок. К настоящему моменту ряд фрагментов воспоминаний нами уже опубликован¹¹. Кроме того, осуществлена полная расшифровка текста воспоминаний, что позволяет их проанализировать и опубликовать с научным комментарием.

Воспоминания С. А. Щепихина не менее значимы для истории Южной армии, чем ранее опубликованные нами воспоминания полковника А. Ю. Лейбурга. Интересно, что именно Щепихин как и. д. бухгалтера РЗИА в 1925 г. перечислил Лейбургу гонорар за подготовленные воспоминания. Скорее всего, с содержанием воспоминаний Лейбурга Щепихин смог ознакомиться.

Как уже отмечалось, в основе воспоминаний Щепихина находятся материалы его дневника. Подлинники дневниковых записей неизвестны, однако мемуарист их периодически цитирует. Все это придает дополнительный вес его свидетельствам, имеющим в своей основе повременные записи.

Свои воспоминания Щепихин начинает с описания атмосферы Ставки Верховного главнокомандующего в Омске и настроений столицы белой Сибири. Крайне важны описания Щепихиным характера взаимоотношений внутри колчаковского генералитета. В целом, мемуарист настроен достаточно критично по отношению к белому командованию. В период кризиса на фронте Ставка, по существу, бросила Южную армию на произвол судьбы, предоставив ее командованию возможность самостоятельно выводить войска из-под ударов противника.

Чрезвычайно информативны зарисовки жизни штаба Южной армии, обстановка в штабе и характер взаимоотношений офицеров. Как

¹¹ Ганин А. В. Из воспоминаний С. А. Щепихина // Культурное и научное наследие русской эмиграции в Чехословацкой республике: Док. и мат. М.; СПб., 2016. С. 31–53.

отмечал мемуарист, «штаб достаточно многочисленный, как и все штабы в Гражданскую войну, и наверное процентов 50 бездельников»¹². Щепихин с иронией описал систему докладов командующему армией различных начальников:

Начались доклады: разведка, оперативная часть, артиллерист, интендант. После каждого доклада ряд вопросов от командарма, затем его резюме и тут же распоряжение.

Может быть, стенная газета при недостатке бумаги вещь хорошая, но стенное управление армией я мысленно осудил без остатка.

Время у всех было достаточно — не такой уж яркий был участок армии, чтобы надо было разрываться на части.

Белов мог отдельно принимать с докладами и отдавать распоряжения через начальников управлений, а не проделывать это публично.

Воображаю, сколько отсюда уходило сведений в сторону противника.

Ведь все молодые люди разных тыловых учреждений просто от безделья начнут разносить полученные сведения и новинки по всей станице... В Гражданскую войну, когда не знаешь, где начинается свой, а где чужой — это было, по меньшей мере, неуместно¹³.

Мемуарист сообщает о том, как во время пребывания штаба армии в станице Кизильской Оренбургского казачьего войска (к югу от современного Магнитогорска) штабные работники ездили купаться на речку, устраивали чаепития с небольшим количеством коньяка или рома, а однажды даже коллективно тушили пожар, причем генерал для поручений Л. А. Гафнер получил выговор за нераспорядительность¹⁴.

Щепихин описал неурядки в системе военного управления Южной армии. Система администрирования командующего армией генерала П. А. Белова характеризовалась мелочной опекой и постоянным выдергиванием подчиненных для решения срочных частных вопросов. Щепихин относил эти недочеты управления на счет того, что Белов не командовал даже ротой¹⁵. Однако на самом деле это не соответствовало действительности. Белов в качестве начальника команды разведчиков участвовал еще в Русско-японской войне, а, кроме того, имел ценз командования ротой 116-го пехотного Малоярославского полка (с 9 октября 1913 г. по 21 июля 1914 г.) и в годы Первой мировой войны получил сквозное ранение в грудь осколком гранаты (10 февраля 1915 г.).

¹² ГАРФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 9.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

Щепихину запомнилось, как его отправили организовать передвижение 11-й пехотной дивизии, оторвав от своих дел¹⁶. В другой раз ему, начальнику снабжений, было приказано спешно возглавить оборону Актюбинска в период отступления армии и опять-таки заниматься чужой работой¹⁷. В снабжение армии вмешивались начальники самых разных рангов. Например, французский представитель полковник Ж.-Л. Пишон добился передачи в распоряжение медного рудника французской компании нескольких дефицитных транспортов Южной армии¹⁸. Как свидетельствовал мемуарист, своими самочинными действиями Белов срывал работу подчиненных. Например, он однажды перехватил грузовик с сапогами и доставил его в ближайшую к штабу армии часть, где лично распределял запасы, но выяснилось, что в той части сапоги есть, но не хватает фуражек. Тогда Белов приказал передать сапоги в ближайшую часть, а фуражки обещал прислать¹⁹. Создавалась бессмысленная суэта, путаница, возникали обиды и претензии.

Дефицит офицерских кадров и высокий процент офицеров военного времени в командном составе приводили к тому, что белые офицеры не пользовались должным авторитетом. Показателен пример пополнений, направленных в Южную армию. Так, в 11-й Сибирской стрелковой дивизии летом 1919 г. «офицеры были малоопытны и малоавторитетны... Офицеры были молодцы, отличные гимнасты, вероятно, не хуже и стреляли, но с солдатом обойтись, подойти к нему не умели. Это были отличные рядовые бойцы и только»²⁰. Щепихин оказался очевидцем следующей неприглядной сцены в той же дивизии:

Офицеры, молодежь, как я видел, очень сжились со своими солдатами, но и сильно от этой близости теряли в авторитете. Я видел, как в игре солдат участвовал и офицер, — но не в качестве руководителя, а рядового игрока, и как ему, офицеру, солдаты с большим аппетитом всыпали шлепки по спине и ниже. При этом на лицах некоторых солдат я заметил ядовитые улыбочки²¹.

Разумеется, неслаженное формирование без подготовленных офицеров, в котором было распространено панибратское отношение солдат и командиров, не могло дать хороших результатов в боевой обстановке.

Состояние кадровых офицеров тоже вызывало вопросы: «Не нравились мне некоторые офицеры из средних и старших: это бывшие кадро-

¹⁶ Там же. Л. 10.

¹⁷ Там же. Л. 18.

¹⁸ Там же. Л. 9об.

¹⁹ Там же. Л. 45.

²⁰ Там же. Л. 6об.

²¹ Там же.

вые офицеры, но какие-то изумительно запуганные революцией и всеми ужасами революционного фронта Великой войны.

Они всеми зверствами были оторваны от солдата и, несмотря на значительный по времени антракт еще не освободились от естественного в их положении чувства неловкости по отношению к солдату. Они в своих чинах видели, им мерещился революционный солдат, кривое зеркало истинного воина. Они как-то не верили, что пред ними молодняк, мало-развращенный, но в то же время малоустойчивый»²².

Из воспоминаний становится ясно, что в белом лагере дела шли далеко не благополучно. Мобилизованные солдаты не знали, за что воюют. При опросе пополнений этот вопрос оставался без ответа или даже давались вовсе не благоприятные для белых ответы. Например, Щепихин описал такой инцидент:

За что мы деремся? Этот вопрос в большинстве оставался без ответа. А один ответ поверг командарма в ярость: солдат развязного типа громко и с пафосом доложил, что эта война братоубийственная, что «мы, солдаты, насильно мобилизованные, ничего не знаем и не понимаем за что и как, и почему дерутся русские с русскими».

Белов приказал оратора немедленно арестовать и отправить в штаб армии. Судьбу его не знаю²³.

Судя по описанию, нельзя исключать, что это был большевистский агитатор, который не побоялся высказать столь глубокую и при этом очевидную мысль.

Упомянул Щепихин и отдельные карательные акции белых. Например, по его свидетельству, командир XI Яицкого армейского корпуса генерал-майор Н. А. Галкин лично расстрелял зачинщиков неподчинения приказу в одной из рот²⁴. Чтобы обезопасить себя на случай плена, солдаты обзаводились справками о том, что являлись якобы насильно мобилизованными.

По свидетельству Щепихина, население относилось к белым безразлично:

В Орске жизнь шла своим темпом: торговали, кто мог; сеяли, жали и косили; сплавляли лес по Уралу; один достраивал дом, другой подновлял забор. А вечером весь город веселился в кино, на площади шли танцы, музыка; молодежь ухаживала; степенные граждане судили-рядили свои мещанские вопросы.

На нас²⁵ обращали внимание постольку поскольку и, видимо, с плохо скрываемым нетерпением ожидали, когда мы, наконец, уберемся ко всем чертям.

²² Там же.

²³ Там же. Л. 10.

²⁴ Там же. Л. 14 об.

²⁵ Т. е. на армию.

Было грустно и трагично! В душу заползали сомнения: так ли все идет, то ли мы делаем. И кто из нас Дон Кихот с мельницами?!

Конечно, те, кто поневоле с нами ближе соприкасался, ловко подлаживался под наши интересы, но исключительно в своих, узко эгоистических интересах.

Все это чрезвычайно мирно, спокойно, степенно.

Так и хотелось крикнуть: Очнитесь, подумайте, какие сейчас дни.

Разве можно думать о завтрашнем дне и обсуждать спокойно свои мелкие делишки. Ведь сейчас решается участь нескольких десятков тысяч людей, ваших братьев, поднявших меч в Ваших же интересах!

Но язык присыхал к гортани и не поворачивался: внутренним чутьем каждый из нас угадывал ответ этих мещан.

«Нам какое дело! Кто вас просит вмешиваться в наши дела и нарушать наше спокойствие. Делайте свое дело, и, если можете, не обращайтесь на нас внимания... и если можно поскорее и, по возможности, безвозвратно уходите отсюда!...»

Вот какой ответ чуялся от этих мещански инертных людей.

Не покажется ли Вам, после такого ответа, вся ваша «идейная борьба» — мыльным пузырем?!

Чтобы не видеть этого, не бередить свою душу приходилось замыкаться в свой кокон и стараться забыть в суете своей, очевидно бесполезной, бесплодной, но в высшей мере суетливой деятельности.

Так делал каждый из нас, не признаваясь в своих сокровенных мыслях и никого не пуская в свое святая святых.

А на фронте события разворачиваются все шире и шире²⁶.

Разумеется, индифферентность населения, его погруженность в быт и развлечения вызывали возмущение у активных участников борьбы. В этом смысле Щепихин ставил себя и своих боевых товарищей над обывателями с их повседневными заботами.

Своей непосредственной деятельности по организации снабжения Южной армии Щепихин уделил незначительное внимание. Тем не менее, из воспоминаний становится понятно тяжелое положение армии в этом отношении. Дело в том, что Южная армия почти не имела глубокого тыла, сети железных дорог в районе армии не было, поэтому снабжение приходилось осуществлять лишь частично по единственной железной дороге через Челябинск и Троицк, а далее — гужевым транспортом. В тылу свирепствовал тиф. Снабжение Южной армии было организовано из рук вон плохо. Например, в армию поступили 120 пулеметов Льюиса без патронов к ним²⁷. Показательно описание тыла между Орском и станцией Бреды начальником снабжений армии:

²⁶ ГАРФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 14.

²⁷ Там же. Л. 14об.

Путь, который я, так сказать, ревизовал... в этот период был главной жизненной артерией всей армии: здесь было скучено, перемешано, перепутано всякого добра от шерсти и медной руды до сухарей и медикаментов²⁸.

В мемуарах немало упоминаний о дисциплинарных проступках различных начальников и неисполнении приказов даже командирами корпусов. Эти командиры обладали сложными, неуживчивыми характерами, некоторые попадание в Южную армию воспринимали, вероятно, как понижение, что усугубляло ситуацию. Например, генерал Н. А. Галкин в прошлом являлся главой военного ведомства Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (то есть военным министром), что провоцировало повышенную амбициозность и нежелание подчиняться менее заслуженным в белом лагере начальникам. Генерал А. С. Бакич был темпераментным черногорцем по происхождению, самолюбивым и знающим себе цену. Он также подчинялся приказам постольку, поскольку они не шли вразрез с интересами его корпуса. При этом его корпус, как считал Щепихин, являлся лучшим в армии²⁹.

Щепихин сравнительно подробно описал попытки генерала Белова реализовать авантюрный план пробиться с Южной армией в Туркестан и там перезимовать. Как Белов представлял себе эти действия, не вполне ясно. В том числе в вопросе снабжения армии в степях и пустынной местности. Тем более, что советский Туркестан успешно отбивался от антибольшевистских сил на протяжении всей Гражданской войны. Даже в лучшие свои времена белые не смогли достигнуть на этом направлении перелома, а об успехе в период развала говорить не приходилось. Кроме того, Южная армия была тесно связана с Оренбургским казачьим войском, а отрыв от войсковой территории неизбежно вел бы к массовым сдачам казаков красным. Белов колебался между отступлением по линии железной дороги или от нее на восток, поэтому не удалось обеспечить нормальные линии снабжения и тылы, которые требовалось, исходя из рационального планирования, отводить на восток к городам Иргиз и Тургай³⁰.

Щепихин ярко описал развал Южной армии. Характерно описание организации службы связи в период отступления армии и встречи с полковником А. Ф. Рязановым:

На первом этапе разочарование — никаких казаков не было. Еду дальше и после полудня прибываю в штаб п[олковника] Рязанова³¹.

²⁸ Там же. Л. 13об.

²⁹ Подробнее см.: *Ганин А. В.* Черногорец на русской службе: генерал Бакич. М., 2004.

³⁰ ГАРФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 17.

³¹ В документе, по-видимому, ошибочно — Казанцева. Далее во всех случаях мемуарист исправил Казанцева на Рязанова.

Меня встречает красивый молодой полковник и приглашает к себе закусить. На мой вопрос, почему нет постов летучей почты п[олковника] Рязанова, очень сбивчиво объясняет, что дисциплина в полку пала, что казаки — молодежь, офицеров мало, урядники слабы, многие посты не могли найти указанных мест. К моему строгому выговору Рязанов отнесся весьма апатично и вся его фигура показывала мне ясно, что в такой обстановке нельзя работать без сбоя³².

Отметим, что вскоре полковник Рязанов сдался красным и некоторое время служил в РККА.

Если верить мемуаристу, начальник штаба армии генерал И. В. Тонких, однокашник Щепихина по академии, сомневался в боеспособности оренбургских казаков. Тонких даже якобы однажды сказал автору воспоминаний:

Вот увидишь, Сергей, оренбур[г]цы нас подведут. Слава Богу, что я уговорил Белова подготовить линию Иргиз — Тургай — Атбасар. Не миновать нам ксенофонтовского похода³³.

Речь шла об описанном древнегреческим историком Ксенофонтом по собственным впечатлениям отступлении тринадцати тысяч греческих наемников через Малую Азию к черноморскому побережью в 401 г. до н. э. Это предположение Тонких позднее оправдалось. Впрочем, сложно сказать, не придумал ли такую версию сам мемуарист постфактум.

Первую неделю отступление армии носило стихийный неупорядоченный характер. Лишь позднее командующий смог внести некоторый порядок. Много внимания Щепихин уделил описанию своего отъезда из штаба армии в тыл по степям (Ташкентская железная дорога — город Иргиз — город Тургай — поселок Державинское — город Атбасар) и расставания с Южной (Оренбургской) армией с 3 сентября по 3 октября 1919 г. Этот же пятисотверстный маршрут являлся в дальнейшем и путем отступления всей армии. В этой части воспоминаний Щепихин по своему дневнику изложил свои путевые впечатления и зафиксировал встречи, как с начальствующими лицами, так и с казаками-кочевниками.

Щепихин сосредоточил свое внимание на оценке причин неудачи Южной армии и пришел к выводу, что они обусловлены неподготовленностью и легкомыслием командования. Основную ответственность за неудачу он возлагал на командующего армией генерала П. А. Белова, который пренебрегал, как считал мемуарист, принципами стратегии. Резко критически Щепихин отзывался и о своем товарище атамане А. И. Дутове, сменившем Белова на посту командующего армией.

³² ГАРФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 15.

³³ Там же.

Щепихин явно стремился увеличить объем написанного за счет описаний природы, отвлеченных размышлений о психологии населения и избыточной детализации. Такая особенность несколько затрудняет восприятие воспоминаний и, видимо, связана с тем, что оплата за них в РЗИА осуществлялась исходя из их объема.

Воспоминания содержат два приложения. Первое приложение представляет собой запись беседы Щепихина с начальником Военной академии генералом А. И. Андогским и не имело прямого отношения к тематике воспоминаний о Южной армии³⁴.

Вторым приложением стали биографические зарисовки представителей командного состава Южной армии и других формирований (раздел «Портреты»³⁵). Мемуарист дал развернутые психологические портреты генералов И. Г. Акулинина, А. С. Бакича, П. А. Белова, Н. А. Галкина, А. И. Дутова, И. В. Тонких. Эти характеристики чрезвычайно интересны и подробны, хотя и не во всех случаях точны и объективны.

В основном, портреты генералов, как и воспоминания в целом, гиперкритические, что свидетельствует о высокой самооценке мемуариста. Командующий армией генерал Белов, по оценке Щепихина, обладал кипучей энергией, был умным, храбрым офицером, но не являлся полководцем и был склонен к авантюризму в военном деле. Не умея спокойно управлять войсками и выстраивать правильную систему военного администрирования, он предпочитал ручное управление и лично вмешивался во все более или менее значимые вопросы, мешая слаженной работе других. Не обладал Белов и чувством такта. Например, мог остановить группа праздно бродящих солдат или жителей на базаре или у церкви и выступить перед ними с речью: «За что мы воюем? С кем мы воюем? Кто мы?»³⁶

Начальник штаба армии генерал Тонких удостоился, в целом, положительного отзыва Щепихина. Однако мемуарист считал, что этот способный генерал мог бы занимать более высокий пост, а в Южной армии растрачивал себя впустую.

Командиров корпусов Южной армии Бакича, Галкина, Акулинина Щепихин критиковал за неисполнение приказов. Особенно досталось Галкину, которого Щепихин считал бестолковым генералом.

В разделе «Портреты» Щепихин дает краткую оценку и адмиралу А. В. Колчаку, как представляется, справедливую. Щепихин отмечал, что «пристрастность Колчака общеизвестна; кроме того, Колчак всегда шел у кого-либо на поводке, — надо было лишь делать это незаметно.

³⁴ Этот фрагмент нами опубликован в: *Ганин А. В. Закат Николаевской военной академии 1914–1922. М., 2014. С. 661–672.*

³⁵ ГАРФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 7. Л. 43–52.

³⁶ Там же. Л. 45об.

Кто делал и как, во времена Колчака, это также известно»³⁷. Речь шла о начальнике штаба Ставки генерале Д. А. Лебедеве.

Щепихин составил и подробный историко-психологический портрет оренбургского атамана А. И. Дутова³⁸. Сергей Арефьевич был его однокашником по кадетскому корпусу, училищу и академии Генерального штаба, однако не сумел достичь таких же высот и общероссийской известности. При этом Щепихин, насколько можно судить, считал себя более способным человеком. В итоге на страницах воспоминаний оказались зафиксированы разнообразные некрасивые истории, которые сопровождали жизненный и служебный путь Дутова, начиная от ябедничества в детские годы, протекции отца, слезливости и до назначений уже в Гражданскую войну на руководящие посты неспособных начальников, чтобы выигрышнее смотреться на их фоне. Щепихин не без оснований считал Дутова популярным казачьим лидером, но недалёковидным политиканом и интриганом, устранявшим соперников, даже в ущерб общему делу.

В целом, воспоминания генерала С. А. Щепихина весьма информативны и отчасти восполняют те лакуны, которые вызваны малочисленностью документов Южной армии в российских архивах. Они позволяют ответить на вопросы о причинах поражения Южной армии и массовой сдачи в плен ее личного состава осенью 1919 г. на Южном Урале, о взаимоотношениях и настроениях командного состава армии, о том, какими качествами обладали белые генералы, а также о восприятии белых населением и о многом другом.

Andrei Vladislavovich GANIN

Doctor of History, leading researcher of the Institute of Slavic studies
of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: andrey_ganin@mail.

Memoirs of General S. A. Shchepikhin as a source on history of the White Southern Army of the Eastern front of Admiral Kolchak

The article analyzes an important source on the history of the Civil war on the Eastern front-unpublished memoirs of major General S. A. Shchepikhin.

Keywords: Civil war, Eastern front, southern army, Orenburg Cossacks, S. A. Shchepikhin.

³⁷ Там же. Л. 43об.

³⁸ Большая его часть опубликована нами в: *Ганин А. В.* Атаман А. И. Дутов. М., 2006.